

О милая Одесса-мама

А на танцах с ним случилась нелепица. Пригласил он одну симпатичную, сидевшую, как и другие, возле стенки на стульчике, сидя рост скрадывается, да и обалдел, когда она начала вставать. Она, приподнимаясь, тянулась куда-то вверх, как тянется ползущее к солнцу растение, и казалось, это никогда не закончится, а когда все же кончилось, он обнаружил рядом с собой великолепную гигантшу, которой он не доставал и до плеча. И он, не будучи маленького роста, вдруг почувствовал себя пигмеем рядом с этим великолепием, держа ее рукой за талию и танцую, поупонцовев, что-то медленное, нескончаемое, уткнувшись ей лицом в грудь. И она тепло смотрела на него откуда-то сверху, и все это напоминало живописное — мадонна с младенцем. И когда попытка музыкой закончилась, он умчался в другую часть зала в поисках дальнейших приключений...

Когда вышла она, и они пошли к парку, где среди деревьев и кустов можно было укрыться от деловитого и суетливого многолюдного города со своими вечными заботами и абсолютно равнодушного к парочке, занятой своими проблемами. И он ей с энтузиазмом рассказывал о пребывании своем в утро этого же дня на концерте в том же Дворце студентов, из которого они вышли. И студенческом театре "Пегас", так понравившемся ему. "Ну! Рассказывайте, студент!" — "Ну что! А поначалу земля была такая горячая-горячая. Потом она начала остывать. Остывала, значит, она, остывала! Потом появились динозавры". — "Так! А какой у вас в билете вопрос?" — "Устройство радиоприемника". И он пересказывал ей, как мог, запомнившиеся ему диалоги, смеясь сам и смешая ее, и зрительно видя ярко освещенную сцену и зал, жадно реагирующий на каждое слово. Позже он услышит некоторые "пегасовские" сценки в исполнении двух блистательных одесситов, звучавшие отовсюду из телевизоров и радиоприемников. Но это будет потом, а тогда он этого еще не знал.

— Как здорово! — они уже сидели на скамейке в парке. — Как мне все-таки жаль уезжать из Одессы! — неожиданно сказала она грустно, он удивленно обернулся на нее. Оказывается, она почти закончила вуз, и по распределению ее в Одессе не оставят — это сто процентов. Он тоже заканчивал свой вуз и тоже в Одессе вряд ли оставался, точнее, не останется, это точно.

— Я тоже люблю Одессу, — сказал он. — И мне тоже очень жаль уезжать из нее.

Они какое-то время говорили о городе, большом и красивом, и необычном, к которому они приросли, привыкли, и расставаться с которым им было совсем не просто. "А ты был там-то?" — спрашивала она, увлекаясь и рассказывая ему какие-то эпизоды, дорогие ей и связанные с Одессой. "А вот я", — он тоже увлекся, вспоминая.

— А хочешь, я тебе напою об Одессе? Очень, кстати, популярное у нас.

— У кого — у нас?

— У курсантов. Я эту песню очень люблю.

— Хочу. Спой.

— В тумане растворились огоньки, — начал он, — И в море уходить нам утром рано. Поговорим о берегах твоих, о милая моя Одесса-мама! — он пел, и что-то в душе щекотало его, теплое и личное. — Здесь мне знакомо каждое окно, здесь девочки хорошие такие! — с чувством пропел он. — Одесса, мне не пить твое вино И не утешить клешем мостовые! — он замолчал, украдкой теранув повлажневший глаз, что-то с ним творилось непростое.

Она прижалась к нему, поцеловав его, и он понимал, что нравится ей. Недавно он видел позабавившее его, когда одна, смерив глазами с головы до ног какого-то, отступив на шаг, сказала: "Вы только посмотрите на него! Тоже мне подарок ко дню Восьмого марта". Он не был подобным подарком ко дню Восьмого марта и знал себе цену. И чутьем донжуана уловил, что эта, прижавшаяся к нему, готова отдаться ему, растроганная эмоциями. И этот довольно симпатичный парень в морской форме, пожалуй, в чем-то ассоциировался у нее с самой Одессой, и все это было понятно. Но что-то, охватившее их вдруг, было выше и значительней рядовой повседневной бытовухи, и он не стал пользоваться ее настроением.

С похмуревшего неба упала крупная, как слеза, капля, за ней другая, третья.

Николаев

